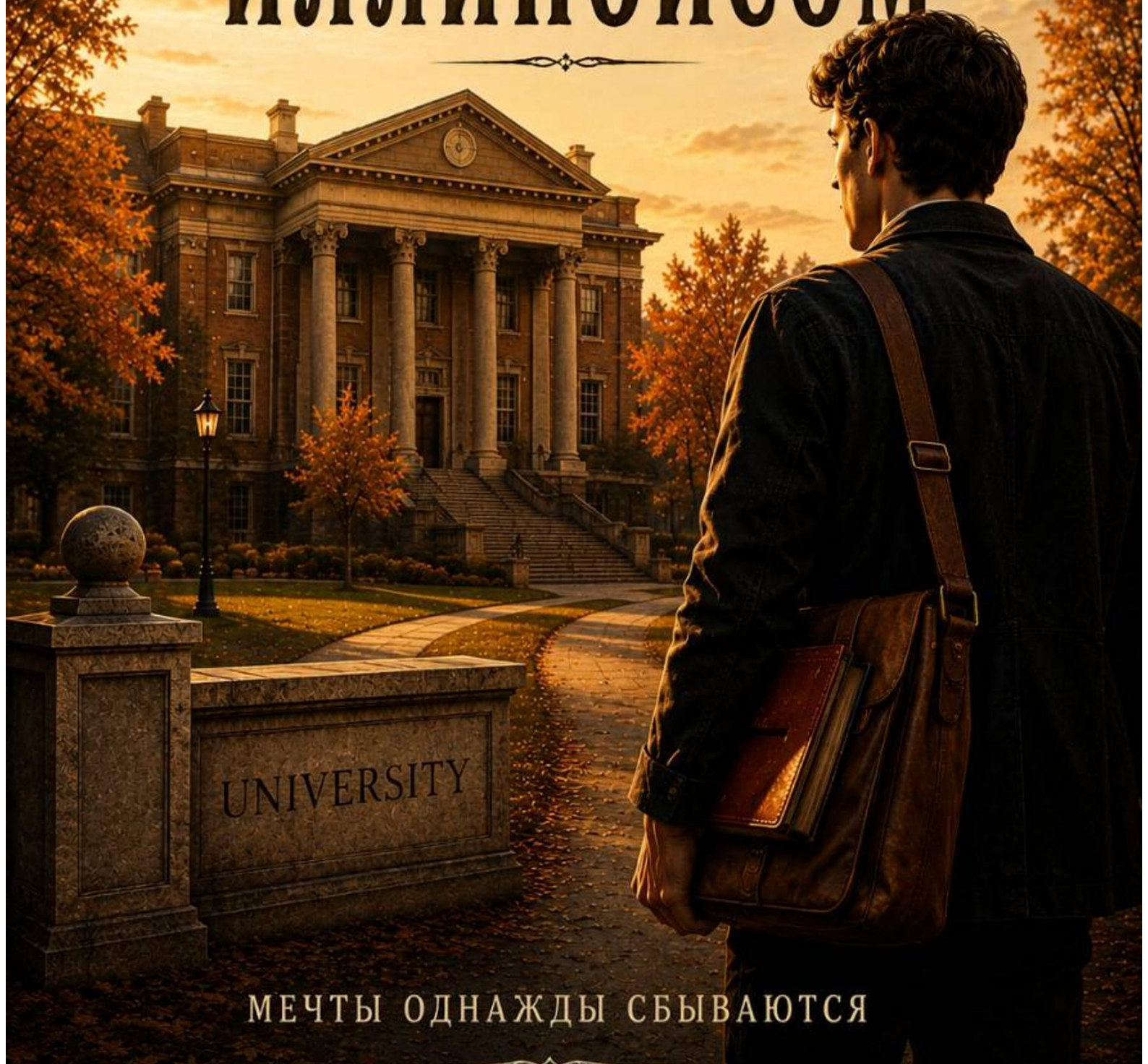

МАЙКЛ ШКОЛЬНИКОФФ

ТЕНИ НАД ИЛЛИНОЙСОМ

МЕЧТЫ ОДНАЖДЫ СБЫВАЮТСЯ

Майкл Школьников
Тени над Илинойсом

«Автор»

2026

Школьниковофф М.

Тени над Иллинойсом / М. Школьниковофф — «Автор», 2026

1943 год. Маленький городок Эш-Крик в штате Иллинойс. Будущее Джимми Донована кажется предрешённым: работа в железнодорожном депо, шахта или ферма, как у большинства жителей города. Но сам Джимми мечтает о другой жизни. Пока его сверстники выбирают привычный путь, он ищет дорогу в большой мир — через университет, книги и собственное упрямство. На его пути будут ярмарки и бродячий цирк, первая любовь и первое разочарование, письма из далёкого Блэк-Крика, дружба, ошибки и непростой выбор между мечтой и реальностью. Атмосферный роман взросления о послевоенной Америке, маленьких городах Среднего Запада и молодых людях, которые отказываются мириться с заранее написанной судьбой. История о том, как иногда один билет на поезд способен изменить всю жизнь. Мечты однажды сбываются.

© Школьниковофф М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Дождь над Эш-Криком	6
Эш-Крик	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Майкл Школьников

Тени над Иллинойсом

Глава

Посвящается моей жене и детям.

Пролог

Дождь над Эш-Криком

Иллинойс, 1943 год

Дождь барабанил по жестяной крыше так громко, словно кто-то рассыпал сверху тысячи мелких камней.

Джимми Донован лежал на старом матрасе под самой крышей дома и читал потрепанный выпуск «Порки Пига», купленный за десять центов в лавке мистера Хоукинса.

На чердаке пахло пылью, старым деревом и летней жарой, которая не успела выветриться даже после дождя.

За маленьким круглым окном мерцал единственный фонарь на Главной улице Эш-Крика.

Город спал. Спали рабочие депо. Спали шахтёры. Спали фермеры. Завтра они снова встанут до рассвета и отправятся на работу, как и вчера. Как и год назад. Как и десять лет назад. Свистели гудки ночных паровозов, стук поездов был слышен и от него тряслись стены дома и Джимми казалось, что дом может просто рухнуть.

Из кухни доносились голоса родителей.

— “На железной дороге опять сокращения”, — сказал отец.

— “Тогда иди на шахту”, — ответила мать.

— Я уже сорок два года слышу про эту шахту.

— Зато она кормит людей.

Наступила тишина.

Джимми перевернул страницу комикса, но больше не читал.

Он слушал.

— А что будет с мальчишкой? — спросил отец.

— Вырастет и устроится в депо.

— Или на шахту.

— Как все.

Они говорили спокойно. Будто обсуждали погоду. Словно его будущее давно было решено и сам Джимми не имел к нему никакого отношения.

Он посмотрел на обложку комикса. Порки Пиг снова выпутывался из неприятностей, смешной, нелепый, но всегда находящий выход. За окном сверкнула молния. На мгновение чердак озарился белым светом. И тогда Джимми вдруг ясно понял одну простую вещь - если он останется в Эш-Крике, его жизнь уже написана.

Депо.

Шахта.

Дом на соседней улице. Такая же крыша над головой. Те же разговоры по вечерам. Такие же мечты, умершие ещё до того, как успели родиться. Гром прокатился над городом. Джимми закрыл комикс и впервые в жизни решил, что однажды уедет отсюда. Куда угодно. Лишь бы как можно дальше от Эш-Крика. Он ещё не знал, что это решение изменит всю его судьбу и как сильно...

Эш-Крик

Эш-Крик был одним из тех городов, которые редко попадали на карты. Если ехать поездом из Чикаго на юг, можно было легко проспать станцию и даже не заметить, что поезд сделал остановку. Когда-то эти земли принадлежали индейцам племени потаватоми. Старики рассказывали, что ещё в середине XIX века на берегах ручья Эш-Крик можно было найти наконецники стрел и обломки старых костровищ.

Потом пришли фермеры. Они вырубали леса, распахали землю и построили первые деревянные дома. Настоящая жизнь началась в 1870 году, когда железнодорожная компания **Midwestern & Great Lakes Railway** провела через округ новую ветку.

Появились вокзал, водонапорная башня, локомотивное депо и мастерские.

Через несколько лет неподалёку обнаружили угольный пласт. Открылась шахта. Вслед за железнодорожниками и шахтёрами в город потянулись переселенцы. В первую очередь ирландцы. Большинство из них были католиками. Они строили дома, работали на железной дороге и в шахте, заводили семьи и постепенно превратили Эш-Крик в маленький кусочек Ирландии посреди бесконечных кукурузных полей Иллинойса.

К 1943 году население города составляло около трёх тысяч восьмисот человек.

Главной улицей была Мейн-стрит.

На ней располагались:

- почта;
- отделение банка;
- парикмахерская;
- хозяйственный магазин братьев О'Хара;
- продуктовая лавка семьи Келли;
- аптека;
- бар «Зелёный трилистник»;
- железнодорожный вокзал.

Гордостью города считался католический собор Святого Патрика. Высокая кирпичная колокольня была видна за много миль. Каждое воскресенье сюда стекались семьи с окрестных ферм и жители города.

В городе работал единственный врач — доктор Майкл Флинн. Он принимал роды, лечил простуды, зашивал раны шахтёрам и железнодорожника, а также выписывал лекарства. Два раза в неделю из соседнего округа приезжал стоматолог. Его пациенты боялись больше, чем налогового инспектора. Ещё в Эш-Крике жил ветеринар Томас Бернс. Для многих фермеров он был важнее врача. За лечение коровы люди отдавали последние деньги. Со всех сторон город окружали молочные фермы.

А дальше тянулись поля. Бесконечные поля кукурузы. Летом они были зелёными. Осенью — золотыми. Зимой над ними гулял ветер, прилетевший с Великих равнин. В Эш-Крике все знали друг друга.

Если кто-то напивался в баре вечером, об этом знали уже утром.

Если девушка шла на свидание, её мать обычно узнавала об этом раньше самой девушки.

А если молодой человек говорил, что собирается покинуть город, окружающие смотрели на него с жалостью.

Потому что большинство жителей Эш-Крика рождались здесь.

Жили здесь и умирали здесь.

Именно поэтому мечта Джимми Донована казалась почти безумием.

Семья Донованов не была богатой.

Отец Джимми, Патрик Донован, работал механиком в локомотивном депо компании *Midwestern & Great Lakes Railway*. Он ремонтировал паровозы, менял детали, возился с котлами и возвращался домой пропахший углём, машинным маслом и дымом.

Мать следила за домом и старалась экономить каждый цент. По воскресеньям семья неизменно посещала собор Святого Патрика. Независимо от погоды и настроения.

Так было принято.

После мессы мужчины обсуждали железную дорогу и работу на шахте, цены и страх сокращений в компании, женщины обменивались новостями, а дети ждали, когда можно будет наконец вернуться домой.

Особой гордостью Патрика Донована был огород за домом.

Небольшой участок земли кормил семью не хуже зарплаты железнодорожника.

Там росли картофель, фасоль, тыквы и несколько старых яблонь, посаженных ещё предыдущим владельцем дома. Каждую весну отец выводил Джимми во двор и вручал ему лопату.

— Земля не любит ленивых, сынок.

Для Джимми лето означало не каникулы. Лето означало работу.

Пока другие мальчишки играли в бейсбол на пустыре возле школы, купались в речке или ловили рыбу, он пропалывал грядки, носил воду, подвязывал фасоль и собирал колорадских жуков с картофеля.

Иногда он слышал крики друзей с дороги:

— Эй, Джимми! Идешь играть?

Он поднимал голову.

Смотрел на реку вдали.

На поле, где шёл матч.

На ребят своего возраста.

А потом снова брался за тяпку.

Потому что отец уже работал рядом.

И в семье Донованов считалось неправильным, если мальчик отдыхает, пока работает его отец.

Осенью приходило время сбора урожая. Яблоки складывали в деревянные ящики, а картофель убирали в подвал. Тыквы выставляли вдоль забора.

И каждый год Патрик Донован осматривал результаты работы с таким видом, будто речь шла не об огороде, а о собственном королевстве.

Тогда Джимми ещё не понимал, что именно эти долгие часы среди грядок научат его терпению, которого многим взрослым не хватало всю жизнь.

Предчувствие Бури

В один из вечеров семья собралась на кухне.

Дождь по-прежнему стучал по окнам.

На столе стояла керосиновая лампа, хотя электричество в доме уже было. Патрик Донован говорил, что лампа надёжнее.

После ужина он по привычке сел в своё кресло возле окна, снял рабочие ботинки и развернул газету.

Джимми сидел напротив и делал вид, что читает книгу.

На самом деле он слушал.

Так было почти каждый вечер.

— Пишут, наши снова высадились где-то в Италии, — сказал отец.

Мать подняла глаза от штопки рубашки.

— И как там дела?

— Как обычно. Продвигаются вперёд.

Он перелистнул страницу.

Лицо его стало серьёзнее.
— Томми Келли погиб.
Мать замерла.
— Господи...
— Письмо пришло его родителям вчера.
На кухне стало тихо.
Томми Келли был старше Джимми всего на несколько лет.
Еще недавно он играл в бейсбол возле школы.
Потом ушёл в армию. Теперь его не было. Отец снова посмотрел в газету.
— И сын Бернсов тоже ранен.
— Тот высокий парень?
— Да.
Мать перекрестилась.
За окном прогрохотал гром.
— Всё больше наших мальчишек уходит, — тихо сказала она.
— Война.
— А если...
Она посмотрела на Джимми.
Отец сразу понял вопрос.
— Его не заберут.
— Откуда ты знаешь?
— Потому что мы уже всё решили.
Джимми поднял голову.
Отец говорил спокойно, будто речь шла о погоде.
— После школы он устроится в депо.
Железная дорога нужна стране не меньше армии. Машинисты нужны. Механики нужны.
Люди в мастерских нужны.
Он сложил газету.
— Если не захочет в депо, пойдёт на шахту.
Шахта тоже работает на войну.
Там бронь.
Мать облегчённо выдохнула.
— Слава Богу.
— Никаких фронтов.
Никакой Европы.
Никакой Азии.
Будет жить дома.
Работать.
Как положено.
Джимми почувствовал, как внутри поднимается раздражение.
Словно его самого в комнате не было.
Словно речь шла о ком-то другом.
— А если я не хочу в депо?
Отец удивлённо посмотрел на него.
— Что?
— Если я не хочу работать в депо?
В комнате повисла тишина.
Мать перестала шить.
Патрик медленно отложил газету.

— Тогда ты просто ещё не понимаешь, как устроена жизнь.

— Может быть, я хочу уехать.

Отец усмехнулся.

Не зло.

Скорее устало.

— Все мальчишки хотят уехать.

Потом взрослеют.

Он посмотрел в окно на дождливую улицу.

— А потом понимают, что мир не ждёт их с распростёртыми объятиями.

Снова наступила тишина.

Через несколько минут родители уже говорили о ценах на уголь и работе в депо.

Но Джимми больше их не слушал.

Он смотрел на дождь за окном.

И думал только об одном.

Когда-нибудь он обязательно уедет из Эш-Крика.

Даже если весь город считает это глупостью.

Школа и будущее

Школа Эш-Крика стояла на небольшом холме неподалёку от собора Святого Патрика.

Красное кирпичное здание построили ещё в начале века.

В нём учились все дети города.

На первом этаже располагались младшие классы, на втором — средняя и старшая школа.

Когда звенел звонок на перемену, по одним и тем же коридорам носились семилетние малыши и семнадцатилетние выпускники.

Для города с населением меньше четырёх тысяч человек этого было вполне достаточно.

В этом году семья Донованов получила ещё один повод для гордости.

Старшая сестра Джимми, Мэри Донован, окончив педагогический колледж в соседнем округе, вернулась домой и начала работать учительницей начальных классов. И её образование и стипендию оплатил штат.

Мать рассказывала об этом всем знакомым.

Отец тоже гордился дочерью, хотя старался не показывать этого. Каждое воскресенье после мессы кто-нибудь обязательно подходил к нему и говорил:

— Поздравляю, Патрик. Ваша Мэри теперь учительница.

И тогда суровый механик депо расправлял плечи чуть шире обычного.

В семье считали, что Мэри добилась большого успеха.

Она получила образование.

Нашла уважаемую работу.

И главное — осталась в Эш-Крике.

По мнению большинства жителей города, лучшей судьбы нельзя было и пожелать.

Но Джимми думал иначе. До выпуска оставалось меньше года. На уроках ему становилось всё труднее сосредоточиться. В ящике его письменного стола лежала целая стопка университетских брошюр.

Чикаго.

Сент-Луис.

Милуоки.

Даже несколько университетов Восточного побережья.

Иногда по вечерам он раскладывал их на кровати и подолгу рассматривал фотографии.

Высокие здания.

Библиотеки.

Лаборатории.

Студенты в пиджаках.

Казалось, это был какой-то другой мир. Мир, существующий далеко за пределами кукурузных полей Иллинойса. Однажды вечером отец застал его за этим занятием.

Патрик молча взял одну из брошюр.

Прочитал название.

Полистал страницы.

Потом положил её обратно.

— Красиво, — сказал он.

— Да.

— Сколько стоит обучение?

Джимми назвал сумму.

Отец негромко присвистнул.

После чего сел напротив сына.

— Послушай меня внимательно.

Джимми уже знал, что сейчас услышит.

— У нашей семьи нет таких денег.

Он смотрел не на сына, а на свои руки.

Грубые, покрытые шрамами руки железнодорожного механика.

— Мы едва оплачиваем дом и участок земли.

— Есть стипендии.

— Их получают единицы.

— Но кто-то же получает.

Отец покачал головой.

— Ты хороший парень, Джимми.

Умный.

Но иногда человеку нужно смотреть правде в глаза.

Он кивнул в сторону окна.

За окном темнел город.

— Девяносто процентов твоих одноклассников уже знают, куда пойдут после выпуска.

В депо.

На шахту.

На фермы.

И никто не делает из этого трагедии.

— А если я не хочу жить как все?

Отец долго молчал.

Потом ответил:

— Каждый мальчишка задаёт этот вопрос.

Но рано или поздно понимает, что жизнь не спрашивает, чего ты хочешь.

Она спрашивает, что ты можешь себе позволить.

Патрик поднялся и вышел из комнаты.

А Джимми остался сидеть среди университетских брошюр.

За окном мерцали огни Эш-Крика.

Где-то вдали прогудел ночной поезд.

И в этот момент ему показалось, что этот поезд зовёт его куда-то далеко.

Туда, где никто ещё не решил за него будущее.

Депо и шахта.

В один из февральских дней Патрик Донован неожиданно объявил за завтраком:

— Сегодня в школу не идёшь.

Джимми поднял голову.

— Почему?

— Потому что поедешь со мной.

— Куда?

Отец усмехнулся.

— В депо. Посмотришь, как люди деньги зарабатывают.

Мать одобрительно кивнула.

Для неё это выглядело почти как посвящение во взрослую жизнь.

Через полчаса они уже ехали по главной улице Эш-Крика на старом пикапе Патрика.

Грузовичок был старше самого Джимми и гремел на каждой кочке.

Отец уверенно держал руль одной рукой.

Вторая лежала на открытом окне.

По дороге он показывал знакомые дома, фермы и железнодорожные пути, словно Джимми видел их впервые.

— Вот здесь раньше был склад зерна.

Сгорел в двадцать девятом.

— А тут жил старик Райан.

Машинист.

Сорок лет на железной дороге.

Джимми почти не слушал.

Он смотрел вперёд. Туда, где над городом уже поднимались клубы черного дыма. Через несколько минут они въехали на территорию депо.

Первое, что почувствовал Джимми, был запах.

Уголь.

Пар.

Горячее железо.

Локомотивная смазка.

Машинное масло.

Этот запах словно въедался в одежду и кожу.

Отец говорил, что настоящий железнодорожник носит его с собой всю жизнь.

Вдоль путей стояли паровозы.

Черные, огромные, покрытые копотью.

Одни ремонтировали.

Другие готовили к рейсам.

Где-то гремели молоты.

Шипел пар.

Ругались рабочие.

Мир депо жил собственной жизнью.

Патрик заметно оживился.

Здесь он чувствовал себя хозяином.

Люди приветствовали его.

— Доброе утро, Патрик!

— Как дела, Донован?

— Слышал, вчера опять котёл сорвало?

Он здоровался за руку почти с каждым встречным.

И каждый раз повторял:

— Это мой сын. Джимми.

Словно представлял будущего коллегу.

У мастерских к ним подошел широкоплечий мужчина с седой щетиной.

— Так вот он какой.

Механик О'Брайен.

Один из лучших друзей отца.

Он внимательно посмотрел на Джимми.

Потом хлопнул его по плечу так сильно, что парень едва удержался на ногах.

— Господи, Патрик, да он легче гаечного ключа!

Рабочие вокруг засмеялись.

— Кормить его надо лучше.

— Ест как лошадь, — проворчал отец.

— Тогда лошадь какая-то неправильная.

О'Брайен снова хлопнул Джимми по плечу.

— Ничего, парень.

Ещё годик-другой — и будешь вместе с нами локомотивы разбирать.

Тебе понравится.

Лучшей работы всё равно не найти.

Он улыбнулся.

По-доброму.

Именно это почему-то расстроило Джимми больше всего. Они все были уверены. Абсолютно уверены, что через год он окажется здесь. Среди них и на всю жизнь.

Пока отец разговаривал с рабочими, Джимми смотрел по сторонам.

На мужчин у станков, на людей возле котлов.

На машинистов, на ремонтников.

Большинство выглядели стариками.

Усталые лица.

Глубокие морщины.

Сутулые плечи.

Пожелтевшие от табака пальцы.

Некоторым из них было чуть больше тридцати.

Редко сорок.

Но выглядели они на шестьдесят.

Словно депо каждый день понемногу забирало у человека годы жизни.

Один рабочий кашлял так сильно, что вынужден был присесть на ящик.

Другой заметно хромал.

Третий стоял возле станка с таким пустым взглядом, будто давно перестал думать о чём-либо кроме следующей смены.

Патрик этого не замечал или не хотел замечать. Для него депо было символом стабильности, надёжности и честного труда.

Для Джимми же оно вдруг показалось огромной ловушкой.

Он посмотрел на ряды закопченных мастерских.

На чёрные локомотивы.

На людей с серыми от угольной пыли лицами.

И впервые по-настоящему испугался.

Не войны.

Не будущего.

Не бедности.

А того, что однажды может стать одним из них.

После депо Патрик повел сына через мастерские к двухэтажному кирпичному зданию администрации. Оно заметно отличалось от остального депо.

Здесь было чище.

Тише.

На окнах висели занавески.

Возле входа стоял новенький автомобиль, блестящий так, словно никогда не видел угольной пыли.

У крыльца разговаривал высокий мужчина в темном костюме.

Ему было около пятидесяти.

Тонкие губы.

Седина на висках.

Стальные очки в золотой оправе.

Он держал руки за спиной и выглядел человеком, который никогда в жизни не брал в руки гаечный ключ.

Увидев его, Патрик сразу выпрямился.

— Доброе утро, мистер Харрингтон.

Мужчина коротко кивнул.

Это был Уолтер Харрингтон — управляющий депо компании Midwestern & Great Lakes Railway.

В Эш-Крике его уважали и одновременно побаивались.

Именно он решал, кого принять на работу, кому повысить зарплату и кого уволить. Говорили, что однажды он сократил собственного двоюродного брата за опоздания и даже не изменился в лице.

— Донован, — сухо произнес Харрингтон.

— Да, сэр.

Патрик положил руку на плечо сына.

— Это мой мальчик. Джеймс.

Скоро школу заканчивает.

Харрингтон перевёл взгляд на Джимми.

Несколько секунд внимательно рассматривал его.

Так фермер оценивает жеребца перед покупкой или мясник — быка на ярмарке.

Джимми стало не по себе.

— Худой, — наконец произнёс директор.

— Подрастёт, сэр.

— Все подрастают.

Харрингтон продолжал изучать парня.

Словно уже мысленно решал его судьбу.

Потом сказал:

— Война скоро закончится.

Но железная дорога останется и люди нам понадобятся.

Он посмотрел на Патрика.

— Бронь оформим без проблем.

Армия его не получит.

О'Брайен научит.

Хороший механик.

Справится.

На этом разговор, казалось, был закончен.

Никаких вопросов.

Никакого интереса к тому, чего хочет сам Джимми.

Будто его мнение вообще не имело значения.

Будто место в депо уже было зарезервировано.

Патрик довольно кивнул.

— Спасибо, сэр.

— Не за что.

Харрингтон повернулся к бумагам в своей папке.

Но отец не спешил уходить.

— После смены покажу парню шахту.

Пусть посмотрит оба варианта.

Впервые за весь разговор директор позволил себе усмешку.

Очень короткую.

Почти незаметную.

— Правильно.

Пусть знает, как выглядит жизнь.

Они уже сделали несколько шагов к выходу, когда Харрингтон неожиданно поднял голову.

— Донован!

Патрик мгновенно обернулся.

— Да, сэр?

— Сегодня останешься на час дольше.

Вагон номер семь должен выйти утром.

Мне всё равно, сколько времени потребуется.

Голос был холодным.

Без грубости.

Но и без тени сочувствия.

Просто приказ.

Патрик кивнул.

— Конечно, сэр.

— Хорошо.

Директор снова опустил взгляд на бумаги, будто их больше не существовало.

Когда они отошли от здания, Джимми спросил:

— И ты останешься?

— Конечно.

— Но ты же обещал показать мне шахту.

Отец пожал плечами.

— Значит, покажу позже.

Работа есть работа.

Джимми оглянулся на администрацию.

В окне второго этажа мелькнула фигура Харрингтона.

Тёплый кабинет.

Чистый костюм.

Ни пятна масла на руках.

Ни угольной пыли на лице.

И почему-то именно в этот момент Джимми понял ещё одну вещь.

В Эш-Крике были люди, которые работали.

И люди, которые решали, сколько будут работать остальные.

Идя обратно в мастерские, Патрик подозвал одного из знакомых.

— Эй, Маккарти!

К ним подошёл крепкий мужчина в потертой куртке.

— Томас Маккарти, — представил его отец сыну. — Мы вместе в школе учились.

Джимми узнал его.

Каждое воскресенье Маккарти сидел с семьей на одной из задних скамеек в соборе Святого Патрика.

Он всегда выглядел уставшим.

Сегодня тоже.

Только теперь Джимми заметил, насколько сильно.

Под глазами залегли тёмные круги. Лицо было серым.

А когда мужчина улыбнулся, его тут же согнул приступ кашля.

— Покажи парню шахту?

— Конечно.

Патрик похлопал сына по плечу.

— Посмотри внимательно.

Пригодится.

Через несколько минут они уже шли по дороге к шахте. Накануне выпал снег. Но снег здесь был не белым. Под ногами он казался серым и грязным. Всюду лежала угольная пыль. Она оседала на дороге, на заборах и на крышах домов, даже на ветках деревьев.

А снег со временем становился чёрным.

Шахта показалась из-за холма неожиданно.

Огромные копры.

Высокие трубы.

Длинные ряды производственных зданий.

Над всем этим висел тяжёлый дым.

Возле административного корпуса стояло несколько новых автомобилей.

Блестящие «Бьюики» и «Форды».

Совсем не похожие на старый пикап Патрика.

— Руководство, — коротко пояснил Маккарти.

Джимми ничего не ответил.

Они прошли через проходную.

Навстречу шли шахтеры.

Усталые.

С чёрными лицами.

Многие кашляли.

Один мужчина остановился прямо посреди двора и долго не мог отдышаться.

Другой выглядел настолько старым, что Джимми мысленно дал ему лет семьдесят.

Позже оказалось, что тому не было и сорока пяти.

— Тяжёлая работа? — спросил он.

Маккарти усмехнулся.

— Не тяжелее войны.

Потом снова закашлялся.

Внутри административного здания их встретил директор шахты.

Ричард Блэквелл.

Полная противоположность шахтерам.

Дорогой костюм.

Белоснежная рубашка.

Золотые часы.

Он даже пах не углем, а дорогим одеколоном.

— Это сын Донована?

— Да.

Блэквелл внимательно посмотрел на Джимми.

Почти так же, как несколько часов назад директор депо.
— Школу заканчиваешь?
— Да, сэр.
— Хорошо.
Он кивнул.
— Рабочие нужны всегда.
Если захочешь начать раньше, можешь выйти хоть завтра.
Джимми удивлённо посмотрел на него.
— Но школа...
Блэквелл махнул рукой.
Будто речь шла о какой-то мелочи.
— Со школой договоримся.
Аттестат получишь.
Директор школы разумный человек.
Он улыбнулся.
— Стране нужен уголь.
Куда больше, чем ещё один ученик за партой.
Маккарти опустил взгляд.
Словно слышал эти слова уже много раз.
Джимми промолчал.
Но внутри что-то неприятно сжалось.
Ему вдруг стало ясно, что для этих людей он уже не был школьником.
Не был человеком с мечтами или планами.
Не был будущим студентом.
Для них он был всего лишь ещё одной парой рук.
Ещё одним рабочим.
Ещё одним человеком, который должен занять свое место под землёй.
Когда они вышли из администрации, над шахтой уже сгустились сумерки.
На фоне чёрного неба горели прожекторы.
Из ствола поднималась клеть.
Из нее выходили шахтёры.
Медленно.
Молча.
Словно призраки.
И в тот вечер Джимми Донован окончательно понял:
Если он останется в Эш-Крике, то рано или поздно окажется либо в депо, либо здесь.
Другого будущего для него никто не предусматривал.
Патрик вернулся домой около восьми вечера. Когда его пикап остановился возле дома,
на улице уже стемнело Джимми сидел на крыльце. Пахло тушёной фасолью и картофелем.
Отец выбрался из машины медленно.
Гораздо медленнее, чем утром.
Он выглядел так, будто за день постарел на несколько лет.
На куртке виднелись пятна масла.
Под глазами залегли тени.
— Ну что? — спросил он, поднимаясь по ступенькам. — Посмотрел депо?
— Посмотрел.
— И шахту тоже?
— Да.
Отец открыл дверь.

— Тогда рассказывай.
За ужином семья быстро поняла, что разговор будет серьёзным.
Даже мать перестала задавать вопросы.
Патрик внимательно слушал.
Джимми рассказал про директора Харрингтона.
Про шахту.
Про директора Блэквелла.
Про шахтёров.
Про кашель.
Про мужчин, которые выглядели стариками ещё до сорока лет.
Отец ел молча.
Лишь изредка кивал.
Наконец он спросил:
— И что ты обо всём этом думаешь?
Джимми сделал глубокий вдох.
— Я не хочу там работать.
На кухне стало тихо.
Мать опустила вилку.
Патрик долго смотрел на сына.
— Почему?
— Потому что они все выглядят несчастными.
— Несчастливыми?
— Да.
Они работают всю жизнь и ничего не меняется.
Шахта.
Депо.
Дом.
Потом снова шахта и депо.
Отец усмехнулся.
Но без злости.
Скорее с усталостью человека, который слышит слова юности.
— Это называется работа, сын.
— Это называется ловушка.
Несколько секунд никто не говорил.
Затем Джимми добавил:
— Я хочу поступить в университет.
Мать закрыла глаза.
Словно заранее знала, чем закончится разговор.
Патрик откинулся на спинку стула.
— Опять университет.
— Да.
— А деньги?
— Есть стипендии.
— Их получают единицы.
— Но получают же.
Отец тяжело вздохнул.
— Ты думаешь, я хотел работать в депо?
Этот вопрос застал Джимми врасплох.
— Что?

— Когда мне было семнадцать, я хотел купить грузовик и возить товары между штатами.
Он усмехнулся.
— Потом пришла жизнь.
Патрик посмотрел на свои руки.
Грубые.
Покрытые старыми шрамами.
— Иногда человеку приходится делать то, что нужно.
А не то, что хочется.
Джимми упрямо покачал головой.
— Я всё равно попробую.
Тогда отец впервые повысил голос.
Совсем немного.
— А если не получится?
— Получится.
— А если нет?
Патрик наклонился вперед.
— Ты видел списки погибших?
Томми Келли погиб.
Бернс вернулся без ноги.
Каждую неделю приходят новые похоронки.
Ты думаешь, мир ждёт тебя?
Нет, сын.
Мир перемалывает людей.
Как жернова.
Поэтому я хочу, чтобы у тебя была работа.
Настоящая работа.
Безопасная.
Джимми молчал.
Он понимал, что отец говорит искренне.
Не из вредности.
Не из желания управлять его жизнью.
Из страха.
Из любви.
Из собственного опыта.
Наконец он тихо сказал:
— Я попробую поступить.
Патрик ничего не ответил.
— Если не получится...
Джимми сделал паузу.
— Тогда пойду в депо.
Отец долго смотрел на него.
Потом медленно кивнул.
— Вот это уже разговор взрослого человека.
Впервые за весь вечер напряжение немного спало.
Мать облегченно выдохнула.
Патрик снова взялся за еду.
А Джимми посмотрел в окно.
Он сказал отцу то, что тот хотел услышать.
Но где-то глубоко внутри уже знал:

если придётся выбирать между депо и неизвестностью —
он выберет неизвестность.

Весна и ярмарка.

Весна в Эш-Крике всегда приходила медленно. Сначала таял снег вдоль железнодорожных путей. Потом из грязи показывались первые зелёные ростки. А затем весь город начинал готовиться к новому сезону.

Для семьи Донованов это означало одно — огород.

После работы Патрик надевал старую соломенную шляпу и выходил во двор. Джимми следовал за ним. Они копали грядки. Чинили забор. Сажали картофель. Натягивали верёвки для фасоли.

По выходным работа продолжалась с рассвета до вечера.

Иногда Джимми казалось, что отец счастлив именно в эти часы.

Без депо.

Без начальников.

Без паровозов.

Только земля и собственный труд.

За помощь Патрик иногда давал сыну немного денег.

Двадцать пять центов.

Пятьдесят.

Иногда целый доллар.

Немного.

Но Джимми почти ничего не тратил.

Монеты и купюры постепенно исчезали в жестяной коробке под кроватью.

К началу лета он уже накопил достаточно, чтобы купить билет до Чикаго.

Эта мысль грела его сильнее любого солнца.

По вечерам он лежал на чердаке и читал приключения Порки Пига.

Старые потрепанные комиксы.

Джимми перечитывал их снова и снова. И Днём он ходил в школу, но всем было уже не до занятий, особенно когда ты в выпускном классе.

Пока однажды в городе не появились афиши.

Ярко-красные.

Наклеенные на столбах.

На витринах магазинов.

На стене почты.

БРОДЯЧИЙ ЦИРК И БОЛЬШАЯ ОКРУЖНАЯ ЯРМАРКА!

Главная тема разговоров в Эш-Крике моментально изменилась.

Даже в соборе после мессы люди обсуждали не войну, а цирк.

В субботу утром Патрик неожиданно сказал:

— Собирайся.

— Куда?

— На ярмарку.

Джимми не поверил своим ушам.

Отец редко тратил деньги на развлечения. Но сегодня настроение у него было хорошее и он сунул сыну целых пять долларов.

Они поехали на старом пикапе вместе с половиной округа.

Дорога была забита машинами.

Фермерскими грузовиками.

Пикапами.

Редкими легковыми автомобилями.

У входа на ярмарочную площадь стояла очередь. Джимми засунул руку в карман.

Пять долларов.

Целое состояние для мальчишки из Эш-Крика.

Внутри было шумно. Громко играла музыка. Пахло жареной кукурузой, сахаром, навозом и пылью.

Повсюду ходили люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.